

УДК 811.111

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СМЫСЛОВЫЕ НЮАНСЫ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН А.В. Кузнецова (Житомир, Украина)

А.В. Кузнецова. Дополнительные смысловые нюансы как когнитивный феномен. Статья посвящена анализу дополнительных смысловых нюансов в художественном дискурсе. К рассмотрению текстолингвистических явлений применяется когнитивный подход. Дополнительные смысловые нюансы трактуются как особый, детерминированный авторской интенцией вид имплицитной речи, имеющий концептуальную природу, и декодирование которого предполагает восприятие суммарного смысла других видов имплицитной речи данного дискурса: неаллюзивных намеков, аллюзий и символов. Исследование проводится на материале текста романа С. Ахерн. Показано, что создание и декодирование указанных видов имплицитной речи коррелирует с когнитивными операциями. Декодирование дополнительных смысловых нюансов происходит в два этапа и предполагает действие когнитивных операций, основными из которых являются операции спецификации и перспективизации.

Ключевые слова: дополнительные смысловые нюансы, имплицитная речь, имплицитный смысл, когнитивная операция, концептуальная природа.

Г.В. Кузнецова. Додаткові смислові нюанси як когнітивний феномен. Стаття присвячена аналізу додаткових смислових нюансів у художньому дискурсі. Для розгляду текстолінгвістичних явищ застосовується когнітивний підхід. Додаткові смислові нюанси розуміються як особливий, детермінований авторською інтенцією вид імпліцитного мовлення, що має концептуальну природу й декодування якого передбачає сприйняття сумарного смислу інших видів імпліцитного мовлення даного дискурсу: неалюзивних натяків, алюзій та символів. Дослідження проводиться на матеріалі тексту роману С. Ахерн. Показано, що створення й декодування вказаних видів імпліцитного мовлення корелює з когнітивними операціями. Декодування додаткових смислових нюансів відбувається у два етапи й передбачає дію когнітивних операцій, основними з яких є операції специфікації й перспективізації.

Ключові слова: додаткові смислові нюанси, імпліцитне мовлення, імпліцитний смисл, когнітивна операція, концептуальна природа.

G.V. Kuznyetsova. Additional sense nuances as a cognitive phenomenon. The article introduces the analysis of additional sense nuances in a belles-lettres discourse. Cognitive approach is used to studying the phenomena of text-linguistics. Additional sense nuances are treated as a separate kind of implicit speech, which is determined by the author's intention and is conceptual in its nature. Its decoding presupposes the anticipation of accumulated sense of other types of implicit speech in the discourse: non-allusive hints, allusions, and symbols. The study is conducted on the material of the text of C. Ahern's novel. It is shown that the creation and decoding of implicit speech kinds mentioned correlates with cognitive operations. The decoding of additional speech nuances takes two stages and rests on cognitive operations, the basic of them being the operations of specificity and perspective.

Key words: additional sense nuances, cognitive operation, concept nature, implicit speech, implicit sense.

1. Введение

Дополнительные смысловые нюансы рассматриваются как один из видов имплицитной речи, как явление скрытой прагмалингвистики, поскольку для нюансов

смысла характерно отсутствие четких структурных критериев вычленения [Масленникова 1999; Матвеева и др. 2009] в тексте, который вслед за И.И. Пирог [Пирог 2015: 182] трактуется в данной работе как форма фиксации дискурса, в нашем случае художественного дискурса. Недостаточная изученность смысловых текстовых нюансов, а также значительный интерес к явлениям прагмастилистики, в частности к их концептуальной репрезентации и когнитивной природе, определяют **актуальность** предлагаемого исследования, **объектом** которого являются когнитивные особенности создания дополнительных смысловых нюансов в свете проявления когнитивных процессов. **Предмет** исследования можно определить как совокупность номинантов, вербально (но непрямо) или имплицитно актуализирующих дополнительные смысловые нюансы в виде текстовых концептов, а **цель** можно представить как анализ текстовой значимости и прагматической роли этих концептов в свете их когнитивной сущности. **Материалом** для статьи послужил текст романа “A Place Called Here” (S. Ahern).

2. Постановка проблемы

Прагмастилистическое понятие дополнительных смысловых нюансов (далее – ДСН) изучается в одном ряду с явлениями «размытости», нечеткости периферийной части значения понятия (концепта), которое приводит к своеобразному «растягиванию», увеличению объема понятия и позволяет использовать такую речевую единицу для называния явления, которому в данный момент в данном языке трудно или невозможно найти название [Матвеева 2003а], то есть ДСН рассматриваются как особый тип имплицитного смысла, который не выражен вербально, но присутствует в ткани текста (в нашем случае, художественного) и может декодироваться реципиентом-читателем.

Пионером в изучении ДСН является Г.Г. Матвеева, в работах которой сформулированы основные принципы выделения и исследования этого интереснейшего и малоизученного явления. Основным исходящим постулатом теории исследователя можно назвать импликацию Г.П. Грайса, которые позволяют говорящему воплотить свое коммуникативное намерение, не прибегая к вербальному выражению того, что понимается реципиентом из общего смысла высказывания. Как указывает Г.Г. Матвеева, значительная часть понимания связана не с языковыми правилами, приписывающими предложению определенное значение на основе значения его компонентов, но с нашей способностью делать заключения о действительном намерении говорящего, не совпадающем с тем, что буквально им «говорится» [Матвеева и др. 2009]. В силу своего значительного выразительного потенциала, отсутствия формальных критериев выделения и когнитивной природы создания и восприятия (которая практически всегда ощущалась интуитивно, но не получила достаточного обоснования и освещения до сих пор), имплицитные значения и смыслы в речевых произведениях изучались неоднократно на материале нескольких языков [напр., Исаева 1996; Масленникова 1999; Воронушкина 2014]. Следует отметить отсутствие единой трактовки понятия имплицитного значения как такового, а также отсутствие попыток классифицировать или систематизировать речевые актуализации такого значения по информационно-смысловому принципу [Воронушкина 2014] ввиду их вышеуказанной размытости и нечеткости. В названных работах рассматриваемые имплицитные (часто называемые скрытыми) смыслы

понимаются достаточно широко: начиная от механизма создания метафоры до скрытых смыслов больших сообщений и целых текстов, однако такая расширительная трактовка представляется неоправданной, так как в таком случае метафоризация, коннотации, текстовые пресуппозиции и импликации, основывающиеся на декодировании любых номинантом, рассматриваются в одном ряду. Представляется, что изложенный ниже анализ и его результаты послужат доказательством несколько иного подхода к изучению проблемы.

3. Изложение основного материала

Понимание ДСН как одного из видов имплицитного смысла основывается на трактовке Г.Г. Матвеевой и ее последователей (хотя художественный текст как форма фиксации художественного дискурса пока не входит в круг интересов этой лингвистической школы), однако представляется целесообразным остановиться на важнейшем свойстве ДСН, в отношении которого в работах этой школы наблюдается некоторое противоречие. Речь идет об осознанности или неосознанности ДСН как отправителем, так и получателем сообщения. Так, в работах этой лингвистической школы неоднократно подчеркивается, что содержанием прагмалингвистических единиц в скрытой прагмалингвистике являются нюансы смысла, а формой их актуализации выступают речевые сигналы, т.е. грамматические и текстуальные формы, отражающие машинальную актуализацию автором своих скрытых интенций на неосознаваемом уровне в процессе осуществления речевого поступка [Матвеева и др. 2009: 74; Матвеева 2003, а также Галоян 2013; Самарина, Похлебина 2013]. Однако эти же скрытые смыслы выступают средством реализации тактики скрытого речевого воздействия, в результате возникает вопрос об осознанности такого воздействия и такой тактики. Представляется, что уместнее говорить об отсутствии анализа при выборе автором конкретных речевых моделей и языковых средств для выражения своих мыслей, однако осознанность интенций очевидна, достаточно вспомнить известное высказывание Р. Блакара о том, что у автора всегда есть выбор языковых единиц для выражения некоего смысла, и этот выбор никогда не бывает случаен [Блакар 1987: 92], иными словами, такой выбор всегда осознан и необходимо предполагает намерение автора. Более обоснованной представляется точка зрения А.А. Масленниковой, согласно которой неосознанным и обладающим низкой (или нулевой) степенью интенции является выбор грамматических конструкций, которые имеют скрытое дополнительное значение, тогда как выбор лексикона, речевых образцов и композиционных особенностей в художественном тексте всегда осознан и интенционален [Масленникова 1999: 6].

Такая точка зрения разделяется в настоящей работе, следовательно, ДСН понимаются как особый вид имплицитного смысла и имплицитной речи, характерный для художественного дискурса, который не находит непосредственной актуализации посредством вербально представленных в тексте номинантам, имеет концептуальную природу и занимает наивысшую, смыслоорганизующую позицию в ряду других видов имплицитной речи художественного дискурса. В числе видов имплицитной речи рассматриваются текстовые символы, намеки (в том числе аллюзии), высказывания с трансформированными идиомами и собственно ДСН [Kuznyetsova 2015: 93]. Создание ДСН рассматривается как речевая тактика скрытого воздействия автора на адресат, которая актуализируется автором-адресатом

и декодируется читателем-реципиентом мгновенно, одновременно с восприятием вербально выраженного смысла текста, причем для читателя-реципиента восприятие и декодирование ДСН происходит неосознанно. В конкретной речевой ситуации реципиент-читатель в процессе чтения текста подсознательно накапливает достаточно многочисленные и разнообразные речевые сигналы ДСН, воспринимая таким образом скрытые интенции адресата-автора. Можно вспомнить высказывания В.М. Телия, которая говорила о дополнительных смыслах как о коннотативных элементах в составе смысловой сущности [Телия 1986: 236]; реализуясь только в тексте/ дискурсе, они не могут соотноситься со значением или компонентом значения какой-либо отдельной языковой единицы. Поэтому ниже предлагается попытка показать, что ДСН выделяются на основе соотношения и смыслового взаимодействия других, часто всех компонентов дискурса, актуализирующих имплицитный смысл.

Рассмотрим особенности создания ДСН в тексте романа “A Place Called Here” (С. Ahern) [Ahern 2007]. Главный персонаж романа, молодая женщина по имени Сэнди Шортт, с детства проявляет необычно сильное беспокойство по поводу пропавших вещей: одного носка после стирки в стиральной машине, завалившегося куда-то карандаша или блокнота, старого игрушечного медвежонка после поездки. Беспокойство настолько сильное, что Сэнди в поисках буквально переворачивает вверх дном весь дом и привлекает к поискам родителей. Родители Сэнди очень волнуются за свою дочь и прибегают к помощи школьного психолога, который работает с девочкой до самого окончания ею школы. После школы Сэнди начинает работать в ирландской полицейской службе по розыску исчезнувших людей. Однажды утром, перед встречей с одним из клиентов, Сэнди бежит на обычную утреннюю пробежку и неожиданно попадает в незнакомый лес, откуда не может найти дорогу назад; она оказывается как бы в параллельном мире, куда попадают исчезнувшие люди и пропавшие вещи, в месте, где вполне можно жить, работать, создавать семьи, но откуда нельзя вернуться в реальный мир. Кроме того, в этом мире никто ничего не теряет. В этом месте (которое называется “Here”) беспокойство оставляет Сэнди впервые за много лет, хотя там для нее многое удивительно. Через несколько дней Сэнди неожиданно теряет часы, не находит их и понимает, что получила знак того, что именно она может вернуться в реальный мир, что вскоре и происходит.

Для показа концептуальных этапов создания ДСН данного художественного дискурса целесообразно остановиться на его художественных концептах, которые, как указывается в лингвистических работах по этой тематике, имеют ментальный характер, характеризуются динамичностью и большей частью вербальной репрезентацией [Воркачев 2003; Давидюк 2014: 87], а также психологической сложностью, расплывчатостью, художественной ассоциативностью и содержат значительную часть невербализованной информации [Демьянков 2001; Демьянков 2007; Ніконова 2008; Попова 2007; Радзієвська 2010; Шевченко 2006]. Анализ концептов данного художественного дискурса осуществляется с применением элементов методики идентификации концептов, предложенной В.Г. Никоновой [Ніконова 2008; Ніконова 2011]. Центральный смысл методики состоит в выделении из ключевых фрагментов тематических линий, в которых, в свою очередь, выделяется тематическая доминанта, представленная тематическим словом, а также смысловые

реляты. На основании тематических слов происходит определение художественных концептов, вербализованных в этих фрагментах. При анализе создания ДСН используются элементы методики метаописания (Е.М. Кагановская), методики когнитивно-эмотивного анализа (М. Берк), а также наша методика построения ассоциативных цепочек, состоящих из когнитивных шагов-умозаключений.

Концептуальное пространство анализируемого дискурса организовано вокруг эксплицитно выраженных ключевых концептов ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON), ПОИСК/SEARCH, НАХОЖДЕНИЕ/FINDING. Эти концепты образуют одну тематическую линию и вербализуются посредством различных номинантов, хотя для описываемого дискурса характерно небольшое разнообразие номинантов. Так, концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) идентифицируется следующим образом:

- ПРОПАЖА – ЭТО НЕСЧАСТЬЕ: *she was Jenny-May Butler, the sweet missing girl from the nice family who cried on the nine o'clock news every night [Ahern: 2]. She was never found – not her body, not a trace of her; it was as though she had disappeared into thin air [Ahern: 3]. It disturbed me that frequently my missing possessions were nowhere to be found [Ahern: 4].*

- ПРОПАЖА – ЭТО ПРИВЫЧКА/КАПРИЗ: *I disappear regularly, I lose contact regularly, no one checks on me and I like it this way [Ahern: 23]. This was the longest search Jack had ever endured and he wished his brother would come out of his finding place now, show himself with that proud smile and end the game [Ahern: 39].*

Концепт ПОИСК/SEARCH обнаруживает такие дискурсные идентификации:

- ПОИСК – ЭТО ПРОФЕССИЯ: *I'm in the business of searching and I know how it works [Ahern: 23]. "I run a missing persons agency, Bobby." [Ahern: 310].*
- ПОИСК – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ: *When my favourite pair of socks went missing I turned the house upside down while my worried parents looked on, not knowing what to do [Ahern: 4]. I felt for my wrist to check the time and remembered again my watch was gone. My heart started to pound as it always did when something of mine was missing. I would immediately become restless and ache to start looking. My hunts were like an addiction, the feeling pre-search like craving [Ahern: 245].*

Концепт НАХОЖДЕНИЕ/FINDING определяется в дискурсе таким образом:

- НАХОЖДЕНИЕ – ЭТО ЖИЗНЕННАЯ ЦЕЛЬ: *They disappeared during a school camping trip in the sixties and were never found. But there they were now, older, wiser and their innocence lost. I had found them [Ahern: 56]. But I had a passion to just find. Finding this place was just one big answer to a life-long question that had caused me to sacrifice everything [Ahern: 122].*

Представленные фрагменты показывают, что художественные концепты данного дискурса не характеризуются значительной вариативностью смысловых релятивов-ассоциаций. Это свидетельствует о вполне определенной интенции автора: сконцентрировать внимание читателя на определенном образом организованном смысле, тем самым запрограммировав особенности читательского понимания и интерпретации. Вполне очевидно, что выделенные концепты находятся в ассоциативно-смысловой связи между собой. Принимая во внимание высокую повторяемость вербализации данных концептов в дискурсе (на некоторых страницах актуализация концепта ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) доходит до 8;

средняя частотность – 1,5 актуализации на страницу; актуализация концепта ПОИСК/SEARCH – до 5; средняя частотность – 0,7 актуализаций на страницу), у реципиента читателя создается впечатление, что интенция автора предельно ясна. Писатель хочет сказать, что для персонажа наивысшим счастьем является нахождение места, где находятся исчезнувшие люди и вещи. Однако восприятие смыслов дискурса в целом обнаруживает наличие ДСН: достижение столь желанной цели приносит лишь ИЛЛЮЗИЮ СЧАСТЬЯ, которое оборачивается для персонажа (Сэнди Шортт) глубокой печалью, ведь самые близкие ей люди (родители, любимый человек) ей не верят, все так же считая, что девушка немного не в себе.

Создание указанного ДСН можно разделить на два этапа. На первом этапе происходит восприятие таких видов имплицитной речи, актуализированных в данном дискурсе, как неаллюзивные намеки, аллюзии и символы, в их смысловом взаимодействии. Восприятие всех номинантов, которые актуализируют их, возбуждает целый ряд различных ассоциаций, которые накапливаются по мере разворачивания ткани текста. Интерпретация реципиентом-читателем смыслов, выраженных автором, зиждется на восприятии читателем когнитивных операций, действующих при создании этих смыслов автором. Эти операции впервые обоснованы и описаны в работах Р. Лэнекера [Langacker 1990; Langacker 2008: 55–84 и др.]

1. Рассмотрим намеки, которые содержатся в описании отношений Джека (брата которого ищет Сэнди) и его девушки Глории:

Gloria, his girlfriend of eight years, always slept. She had slept soundly through the entire year of Jack's horrid nightmare, and still she dreamed. Still she had hopes for tomorrow. She had fallen into a deep sleep after hours spent at the garda station, the first day they worried about not hearing from Donald after four days of silence. She slept after the gardai had spent the day searching the river for his body [Ahern: 31].

Многочисленность тематического повтора в приведенном выше фрагменте (частотность вербальных актуализаторов повтора концепта СОН/SLEEP составляет 12 в пределах двух страниц текста при незначительной лексической вариативности и синтаксическом параллелизме), употребление подобных актуализаторов концепта СОН/SLEEP по всей ткани дискурса, а также смысловой контраст с фрагментами текста, описывающими поступки Джека в тот же период (*He had stayed awake at nights looking through maps, rereading reports, double-checking times... Jack's horrid nightmare*) создают эффективный намек, который актуализирует концепт ОТСУТСТВИЕ ПОНИМАНИЯ/ LACK OF UNDERSTANDING.

В аспекте когнитивных операций для толкования приведенных выше намеков наибольшая роль принадлежит **фокусированию** ('focusing' по Р. Лэнекеру), основным средством вербализации при этом является тематический повтор, который во взаимодействии с широким контекстом обеспечивает **выделение** ('prominence' по Р. Лэнекеру), и намек таким образом функционирует как когнитивная фигура на фоне текста.

Этот же концепт актуализируется во фрагментах текста, посвященных отношению родителей Сэнди к ее странностям. Например:

I didn't have a bad relationship with my parents. ... Ever since I was ten they had tiptoed around me, watched me warily. They had pretend conversations and false laughs that echoed around the house. They would try to distract me, create an ease

and normality in the atmosphere, but I knew that they were doing it and why, and it only made me aware that something was wrong [Ahern: 12].

I think that's the moment I began to hate seeing myself in their eyes, and unfortunately it was the beginning of my dislike of being in their company [Ahern: 59].

Интерпретация намеков здесь основывается на пошаговых цепочках умозаключений: 1) Родители относились к дочери бережно, но настороженно > Они пытались искусственно привести ситуацию к норме > Родители не знали, в чем причина странности их дочери. 2) Сэнди чувствовала растерянность родителей > Она страдала от их беспомощности в этой ситуации > Она видела, что не найдет понимания у родителей. Такие цепочки умозаключений разворачиваются в ментальной деятельности читателя-реципиента из-за неконтролируемых читателем когнитивных особенностей словесных ассоциаций, которые, по свидетельству исследователей, возникают через сознательно ориентированные распознавания, опирающиеся на аксиологические, логические или/и эмотивные ориентиры, которые могут быть выражены через понятия [Santos 2010]. Представляется, что наряду с фокусированием трактовка намеков здесь предполагает действие **спецификации** ('specification' по Р. Лэнекеру), так как интерпретация информации здесь предполагает умозаключение.

2. Особая роль в создании имплицитных смыслов в анализируемом дискурсе принадлежит аллюзиям (всего выделено 79 текстовых фрагментов, в которых актуализированы аллюзии, причем для данного дискурса характерна высокая плотность употребления аллюзий) в особенности литературным аллюзиям, которые составляют около 30%. Их интерпретация и декодирование также коррелируют с когнитивными операциями **фокусирования** и **спецификации**, однако представляется, что превалирует именно **спецификация**, для которой операция фокусирования создает как бы когнитивный фон. Обобщение, как сущностный компонент спецификации, здесь имеет повышенную значимость, так как включает экспрессивно-образный элемент, присущий литературным аллюзиям [Дронова 2004; Thomas 1986: 92]. Наибольшей частотностью и дискурсивной значимостью отмечены аллюзии на повесть американского писателя "The Wizard of Oz" (L. Frank Baum). Рассмотрим имплицитные смыслы таких аллюзий:

'OK, well, it's a children's movie,' I stressed to Helena, 'made in the thirties about a little girl called Dorothy Gale who is swept away in a cyclone to a magical land. Once there, she embarks on a quest to see the wizard, who can help her return home. It's ridiculous to ask a group of adults to do it.'" I laughed, but realized no one was laughing with me.

'And this wizard, does he help her?'

'Yes,' I said slowly, feeling it odd the story was being taken so seriously. 'The wizard helps her and she learns that she could have returned home the whole time. All she had to do was tap her ruby heels together and say 'There's no place like home, there's no place like home.'

'He still didn't laugh. 'So she returns home in the end?'

There was a silence and I finally understood why. I nodded slowly.

'And what does she do while she's in this magical land?'

'She helps her friends,' I said quietly.

'It doesn't seem such a silly story to me,' Joseph said seriously. 'One the people here will very much like to see.'

I thought about that. In fact, I thought about it all night, until I was dreaming of ruby slippers and cyclones and of talking lions and houses that fell on witches, until the phrase "There's no place like home" was echoing so loudly and continuously in my head that I woke up saying it aloud and I was afraid to go back to sleep [Ahern: 260-261].

Эта развернутая аллюзия имплицитно актуализует концепт ПОИСК/SEARCH, который здесь имеет признаки концепта-сценария: и для самого романа "A Place Called Here" и для вышеназванной повести-аллюзии поиск (в частности, его релятив – поиск пути домой) является центральной проблемой. Кроме того, ассоциации с повестью-сказкой, где речь идет о нереальном событии, усиливает ассоциации нереальности происходящего в месте под названием *Here* в анализируемом дискурсе.

Ассоциация с нереальность поиска прослеживается также в другом фрагменте с аллюзиями на ту же повесть:

'I need a heart,' Derek cried out. 'I need a brain,' Bernard announced theatrically. 'And I need courage,' Marcus said quietly in his bored tone. The audience laughed as they all hopped off with Dorothy stage right, arm in arm [Ahern: 505]. – Здесь имплицитно показана тщетность поиска для сказочных персонажей (один из них ищет сердце, другой – мозги, третий – храбрость; смех зрителей также является имплицитным сигналом нереальности и тщетности поиска).

3. Первый этап построения / трактовки ДСН включает также интерпретацию символов, которые в данном дискурсе актуализируют концепт ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) и в силу когнитивной операции выделения приобретают в анализируемом дискурсе символический смысл. Такие художественные символы в данном дискурсе вербализованы номинантами, которые называют группы пропавших вещей Сэнди. Их всего три: носок/носки, наручные часы и игрушечный медвежонок. Символическое значение приобретает также имя исчезнувшей девочки Дженни-Мэй, поскольку именно ее исчезновение было первым в жизни Сэнди. Рассмотрим примеры:

– *'What pair are they?' ... 'My blue ones with the white stripes' I answered on the typical occasion I insisted on bright coloured socks, bright and identifiable so that they could easily be found [13]. 'The sock made me feel better because it was the brightest thing I'd ever seen', he laughed. 'It was even labeled, for Christsake' [288].* – Этот символ повторяется в тексте 17 раз.

– *I liked Jenny-May Butler a lot more when she was gone than when she was here and that also interested me [3]. 'What made you want to find missing people? It's such an unusual career.'*

I laughed. 'Now there's a question.' I thought back to when it all began. 'Two words,' I smiled. 'Jenny-May Butler. She lived across the road from me when I was a child in Leitrim, but she went missing when she was ten.' [455]. – Частотность повторения этого символа составляет 11.

– *Staring up at me with his one eye was my dear friend Mr Pobbs[291]. 'I told you I'd find you, Mr Pobbs,' I whispered [293].* – Частотность этого символа – 5.

Символический смысл всех приведенных номинантов детерминирован не только их частотностью, но и тем, что они актуализируют не просто концепт

ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON), а и его релятив ПРОПАЖА, КОТОРАЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАЙДЕНА, имплицитно создавая таким образом когнитивное взаимодействие между концептами ПРОПАЖА/MISSING THING (PERSON) и НАХОЖДЕНИЕ/FINDING.

Второй этап декодирования ДСН состоит в превалирующем действии когнитивной операции **спецификации**, которая предполагает обобщение более детализированной информации, в тесной связи с **перспективизацией** (perspective). По Р. Лэнекеру, перспективизация предполагает существование определенной точки зрения, которая “экспонирует аранжировку обзора” [Langacker 2008: 76; перевод наш – А.К.]. Представляется, что по мере восприятия дискурса читателем-реципиентом у него на подсознательном когнитивном уровне формируется такая точка зрения, которая в какой-то мере является манипулятивным аранжировщиком читательский процессов восприятия.

Эта же точка зрения и позволяет читателю воспринять спроектированные автором ДСН, которые можно сформулировать для данного дискурса как ИЛЛЮЗИЯ СЧАСТЬЯ, ЗАКЛЮЧЕННОГО В НАХОЖДЕНИИ МЕСТА ИСЧЕЗНУВШИХ ВЕЩЕЙ/ЛЮДЕЙ. Представляется, что приведенный выше анализ выделенных видов имплицитной речи, которые являются компонентами создания ДСН, показывает, что ДСН являются как бы квинтэссенцией суммарных имплицитных смыслов. То есть, ДСН можно смоделировать следующим образом:

- в основании модели находится сам дискурс, представленный текстом, со всеми эксплицитными и имплицитными смыслами;

- из этого основания восходит некоторое число векторов разной длины (значимости), которые являются знаками разных видов имплицитной речи, актуализированных в данном дискурсе; для каждого дискурса количество таких векторов индивидуально, а равно и их длина; одинаковым является направление;

- ДСН представляются в виде суммарной проекции всех этих векторов, которая в смысловом плане заключает своеобразный имплицитный когнитивный вывод.

Такая модель сможет быть только нежесткой, так как для каждого дискурса наличие, плотность и текстовая значимость видов имплицитной речи индивидуально, так же как и количество их актуализаций.

Представляется, что ДСН художественного дискурса можно образно представить как его “духовную сущность”. Очевидно, что в интерпретации ДСН читатели могут значительно отличаться друг от друга из-за индивидуального характера ассоциаций, возникающий при чтении, а также из-за вариативности фоновых знаний и уровня восприятия вообще.

4. Выводы

Дополнительные нюансы смысла художественного дискурса представляют собой когнитивный феномен, суммарную проекцию всех видов имплицитного смысла, актуализированный всеми видами имплицитной речи данного дискурса. Декодирование ДСН, которые могут быть представлены в виде модели, происходит в два этапа. Так же как и другие виды имплицитного смысла, ДСН имеют концептуальную природу. ДСН могут анализироваться в аспекте их корреляции с когнитивными операциями, наиболее важными из которых представляются операции спецификации и перспективизации. Интерпретация ДСН существенно

варьируется в зависимости от определённых параметров читателя-реципиента, что представляется **перспективным** для исследований на материале различных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блакар Р. Язык как инструмент социальной власти / Р. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М. : Наука, 1987. – С. 88–125.
2. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С.Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – М. : Гнозис, 2003. – Вып. 24. – С.5–12.
3. Воронушкина О.В. Виды скрытых смыслов и способы их экспликации / О.В. Воронушкина // Вестник Алтайск. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 21.– С. 62–67.
4. Галоян Я.Э. Межкультурные аспекты языка деловых переговоров / Я.Э. Галоян // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. трудов. – Вып. 16. – Ростов-н/Д. : ДЮИ, 2013. – С. 43–46.
5. Давидюк Ю.Б. Ефект ошуканого очікування у семантичній, темпоральній та сюжетній структурі англomовного художнього дискурсу: дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Давидюк Юлія Борисівна. – К. : КНЛУ, 2014. – 223 с.
6. Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке / В.З. Демьянков // Вопросы филологии. – М. : Моск. гос. ин-т иностр. языков им. М. Тереза. – 2001. – № 1. – С. 35–47.
7. Демьянков В.З. Термин “концепт” как элемент терминологической культуры / В.З. Демьянков // Язык как материя смысла : сб. ст. в честь акад. Н.Ю. Шведовой. – М. : Азбуковник, 2007. – С. 606–622.
8. Дронова Е.М. Проблемы перевода стилистического приема аллюзии в англо-ирландской литературе первой половины XX века) [Электронный ресурс] / Е.М. Дронова. – Режим доступа : http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/2004-01/lin0401_15.pdf
9. Исаева Л.А. Виды скрытых смыслов и способы их представления в художественном тексте (на материале русского языка) : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.19 «Теория языка» / Л.А. Исаева. – Краснодар, 1996. – 38 с.
10. Масленникова А.А. Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.А. Масленникова. – Санкт-Петербург, 1999. – 40 с.
11. Матвеева Г.Г. К вопросу о речевых стратегиях скрытого воздействия отправителя текста на его получателя / Г.Г. Матвеева // Личность, речь и юридическая практика. – Вып. 6. – Ростов/Д : ДЮИ, 2003. – С. 122–128.
12. Матвеева Г.Г. Нюансы смысла в скрытой прагмалингвистике. – Ростов н/Д, 2003а [Электронный ресурс] | / Г.Г. Матвеева. – Режим доступа : <http://rspu.edu.ru/projects/deutch/note32.html>. – Заголовок с экрана.
13. Матвеева Г.Г. Два направления в современной прагмалингвистике / Матвеева Г.Г., Самарина И.В., Селивестрова Л.Н. // Вестник Санкт-Петербургск. ун-та. – Вып. 1. – Ч. II. – 2009.– Серия 12. – С. 77–90.
14. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поезії Шекспіра : [монографія] / В.Г. Ніконова. – Д. : ДУЕП, 2008. – 364 с.

15. Ніконова В.Г. Художній концепт: процедури реконструкції та моделювання (на матеріалі трагедій В. Шекспіра) / В.Г. Ніконова // Вісник Київ. нац. лінгв. ун-ту. Серія: Філологія. – К. : Вид. центр КНЛУ, 2011. – Т. 14, № 2. – С. 113–122.
16. Пірог. І.І. Аргументація в аспекті когнітивних операцій / І.І. Пірог // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : тези доповідей XIV наук. конференції з міжнарод. участю. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 182–183.
17. Попова З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. – 314 с.
18. Радзівська Т.В. Текст як засіб комунікації : [монографія] / Тетяна Вадимівна Радзівська. – К. : Інформ. аналіт. агентство, 2010. – 491 с.
19. Самарина И.В. Прагматика мультипликационного дискурса / И.В. Самарина, А.А. Похлебина // Личность, речь и юридическая практика : сб. науч. трудов. – Вып. 16. – Ростов-н/Д : ДЮИ, 2013. – С.183–186.
20. Телия В.Н. Коннотативный аспект номинативных единиц / В.Н. Телия – М. : Просвещение, 1986. – 312 с.
21. Шевченко И.С. Подходы к анализу концепта в современной когнитивной лингвистике / И.С. Шевченко // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2006. – № 725. – С. 192–195.
22. Ahern C. A Place Called Here / C. Ahern. – L. : Harper, 2007. – 485 p.
23. Kuznyetsova A. Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm / A. Kuznyetsova // New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015). – Book of Abstracts (12-14 April). – Lodz : University of Lodz, 2015. – P. 93.
24. Langacker R.W. Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar / R.W. Langacker. – Berlin, New York : Mouton de Gruyter, 1990. – 395 p.
25. Langacker R.W. Cognitive grammar: a basic introduction / R.W. Langacker. – Oxford; N.Y. : Oxford Univ. Press, Inc., 2008. – 573 p.
26. Santos A. Property generation reflects word association and situated stimulation, 2010 [Електронний ресурс] / [Santos A., Chaigneau S.E., Simmons W.K., Barsalou L.W.]. – Режим доступа : www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/filedownloads/6831_en.pdf
27. Thomas R.F. Virgil's "Georgics" and the art of reference / R.F. Thomas // Harvard Studies in Classical Philology. – 1986. – № 90. – P. 71–98.

REFERENCES

- Ahern, C. (2007). *A Place Called Here*. L.: Harper.
- Blakar, R. (1987). Yazyk kak instrument social'noy vlasti [Language as an instrument of social power]. M.: Nauka, 88-125 (in Russian).
- Galojan, Ja. Je. (2013). Mezhhkul'turnye aspekty jazyka delovyh peregovorov [Language intercultural aspects of business negotiations]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika: Sbornik nauch. trudov. – Personality, speech and juridical practice: Collection of scientific works, 16*. Rostov-n/D, 43-46 (in Russian).
- Davydyuk, Yu.B. (2014). Efekt oshukanogo ochikuvannya u semantychnij, temporalnij ta syuzhetnij strukturi anglo-movnoho xudozhnogo dykursu. Diss. kand. filol. nauk [Defeated Expectancy in Semantic, Temporal and Plot Structure of English Literary Text. Cand. philol. sci. diss.]. Kyiv (in Ukrainian).

- Dem'jankov, V.Z. (2001). Ponjatie i koncept v hudozhestvennoj literature i v nauchnom jazyke [Notion and concept in belles-lettres literature and scientific language]. *Voprosy filologii [Questions of Philology]*. M.: Mosk. gos. in-t inostr. jazykov im. M. Toreza. – Moscow State Institute of Foreign Languages after M. Torez, 1, 35-47 (in Russian).
- Dem'jankov, V.Z. (2007). Termin "koncept" kak jelement terminologicheskoy kul'tury [The term "concept" as an element of terminological culture]. *Jazyk kak materija smysla: sb. statej v chest' akademika N.Ju. Shvedovoj –Language as a material of sense: collection of articles after the academician N. Ju. Shvedova*. M.: Azbukovnik, 606-622 (in Russian).
- Dronova, E. M. (2010). Problemy perevoda stilisticheskogo priema alljuzii v anglo-irlandskoj literature pervoj poloviny XX veka. [Problems of translation of stylistic means of allusion in the English-Irish literature in the first half of XX cent.] Available from: <http://www.ebiblioteka.lt/>
- Isaeva, L.A. (1996). Vidy skrytyh smyslov i sposoby ih predstavlenija v hudozhestvennom tekste (na m-le ruskogo jazyka). Avtoref. diss. dokt. filol. nauk [Types of hidden senses and ways of their presentation in a belles-lettres text (on the material of the Russian language). Dr. philol. sci. synopsis.]. Krasnodar (in Russian).
- Kuznyetsova, A. (2015). Implicit Meaning in a Belles-Lettres Text: Speech Means in a Cognitive Paradigm. *New Developments in Linguistic Pragmatics (NDLP 2015) – Book of Abstracts. 12-14 April, 2015*. Lodz: University of Lodz.
- Langacker, R.W. (1990). *Concept, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Langacker, R.W. (2008). *Cognitive grammar: a basic introduction*. Oxford; N.Y.: Oxford Univ. Press, Inc.
- Maslennikova, A.A. (1999) Skrytye smysly i ih lingvisticheskaja interpretacija: Avtoref. ...doktora filol. nauk [Hidden meanings and their linguistic interpretation. Dr. philol. sci. synopsis]. Saint-Petersburg (in Russian).
- Matveeva, G.G. (2003). K voprosu o rechevyh strategijah skrytogo vozdejstvija otravitelja teksta na ego poluchatelja [On the question of speech strategies of hidden impact of the text addressant on its recipient]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika. – Personality, speech and juridical practice*, 6. Rostov/D, (in Russian).
- Matveeva, G.G. (2003a). Njuansy smysla v skrytoj pragmalingvistike [Sense nuances in hidden pragmalinguistics]. Available from: <http://rspu.edu.ru/projects/>
- Matveeva, G.G., Samarina I.V., & Selivestrova L.N. (2009). Dva napravlenija v sovremennoj pragmalingvistike [Two directions in modern pragmalinguistics]. *Vestnik Sankt-Peterburgsk. un-ta.– Saint-Petersburg Univ. Messenger*. 1, II, 12, 77-90 (in Russian).
- Nikonova, V.G. (2008). Tragedijna karty`na svitu v poety`ci Shekspira: [monografiya] [Tragic world image in Shakespeare's poetry] [monograph]. D.: DUEP.
- Nikonova, V.G. (2011). Xudozhnij koncept: procedury` rekonstrukciyi ta modelyuvannya (na materialy tragedij V. Shekspira). [Belles-lettres concept: procedures of reconstruction and modeling (on the material of Shakespeare's tragedies)]. *Visny`k Ky`yivs`k. nacional`n. un-tu. Seriya: Filologiya. – Kyiv National Linguistic Univ. Messenger, Philology*, 14, 2, 113-122 (in Ukrainian).
16. Pirog, I.I. (2015) Argumentation in terms of cognitive operations. Karazins`ki chy`tannya: Lyudy`na. Mova. Komunikaciya.: Tezy` dopovidej XIV nauk. konferenciji

z mizhnarod. uchastyu – Karazin readings: Person. Language. Communication. Proc. 14th scientif. conference with international participation. Kharkiv, 182-183 (in Ukrainian).

Popova, Z.D. (2007). *Kognitivnaja lingvistika [Cognitive Linguistics]*. Moscow: AST: Vostok-Zapad (in Russian).

Radziyevs`ka, T.V. (2010). *Tekst yak zasib komunikaciyi: [monografiya] [Text as a means of communication]*. Kyiv: Inform. analit. agentstvo.

Samarina, I.V., & Pohlebina A.A. (2013). Pragmatika mul'tiplikacionnogo diskursa [Pragmatics of multicomcommunicational discourse]. *Lichnost', rech' i juridicheskaja praktika: Sbornik nauch. trudov. – Personality, speech and juridical practice: Collection of scientific works, 16*. Rostov-n/D, 183-186 (in Russian).

Santos, A., Chaigneau, S.E., Simmons, W.K., & Barsalou, L. W. (2010). *Property generation reflects word association and situated stimulation*. Available from: www.port.ac.uk/departments/academic/psychology/staff/

Telija, V.N. (1986). Konnotativnyj aspekt nominativnyh edinic [Connotative aspect of nominative units]. Moscow State University: Prosveshhenie (in Russian).

Thomas, R. F. (1986). Virgil's "Georgics" and the art of reference. *Harvard Studies in Classical Philology, 90*, 71-98.

Shevchenko, I.S. (2006). Podhody k analizu koncepta v sovremennoj kognitivnoj lingvistike [Approaches to the analysis of concept in modern cognitive linguistics]. *Visnik Kharkiv. nats. un-tu im. V.N. Karazina. – V.N. Karazin National Univ. Messenger, 725*, 192-195.

Vorkachev, S.G. (2003). Koncept kak "zontikovyj termin" [Concept as an "umbrella" term]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija – Language, conscious, communication. M.: Gnozis. 24, 24*, 5-12 (in Russian).

Voronushkina, O.V. (2014). Vidy skrytyh smyslov i sposoby ih jeksplikacii [Types of hidden senses and means of their explication]. *Vestnik Altajsk. gos. ped. un-ta. – Altay State Pedagogical Univ. Messenger, 21*, 62-67 (in Russian).

Кузнецова Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и современных технологий обучения Житомирского государственного университета имени Ивана Франко (ул. Большая Бердичевская, 40, Житомир, 10008, Украина); e-mail: mleadummin@gmail.com